

2207

К 110-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

В КНИГУ ЕГО ЖИЗНИ

МАСТЕРА ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСКУССТВА — ГОСТИ КРЫМА

«Дело партии, дело всей советской литературы» — с таким докладом, посвященным созданию художественной Ленинианы, на объединенном пленуме правлений Союза писателей СССР и Союза писателей РСФСР выступил секретарь правления Союза писателей СССР, лауреат Государственной премии С. В. Сартаков. Мы попросили Сергея Венедиктовича рассказать о работе советских писателей по созданию достойного литературного памятника Ильичу.

— Сергей Венедиктович, скажите, как развивается художественная Лениниана, каковы ее успехи?

— Есть у нас прекрасные книги о Ленине. Я не буду им давать рецензии. Книги эти надо читать. Читать без назойливой подсказки со стороны, памятуя лишь о том, что они о самом дорогом человеке. И все-таки произведений, посвященных Владимиру Ильичу, создано пока еще немного.

— Некоторые страницы жизни Ленина нам хорошо известны — они написаны для нас его соратниками, друзьями, родными. Мы, например, почти поминутно можем себе представить субботник в Кремле. Вот Владимир Ильич вместе с курсантами носит тяжелые дубовые кражи, убирает территорию. Минут за двадцать до окончания субботника Ленин попросил разрешения уйти, снял кепку, отряхнул пропылившуюся рабочую одежду и затворился домой — переодеться. Надо было успеть на Театральную площадь, на закладку памятника Карлу Марксу. Мы знаем содержание речей Владимира Ильича и там, на площади, и еще на трех митингах в этот день... Но далеко не все страницы жизни и

деятельности вождя революции воспроизведены с такой доподлинной точностью. Какие, на Ваш взгляд, эпизоды биографии Ленина нуждаются в особенно глубоком и всестороннем исследовании?

— Каждая страница яркой жизни Ленина ценна. И ни одно даже самое емкое произведение не может охватить и сотой доли того огромного богатства человеческой воли, разума, предвиденья, имя которому — Ленин. Только историческая дистанция, только усилия множества художников позволяют нам увидеть гигантский контур ленинской личности. Без глубоких книг Афанасия Коптелова, например, мы уже не сможем представить себе шушенский период жизни Ильича.

Тот, кто сейчас возьмется писать книгу о шушенской ссылке Ленина, непременно должен будет сделать свое произведение еще лучше, чем книги Коптелова. Иначе за работу не стоит браться.

А есть темы, которые еще только ждут своих первооткрывателей. Например, еще не написана книга, которая в полной мере рассказала бы о родстве Ленина с петроградским пролетариатом. Питерские рабочие знали, как в тем-

ноте дореволюционной ночи старой царской России собирались марксистские кружки, где Ленин учил законам революционной борьбы бойцов за рабочее дело. Они помнили созданный Лениным «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», стачки и забастовки девяносто-пятидесяти годов. Они пошли за Лениным на штурм старого мира, составили отряды непобедимой рабочей гвардии. Они шли по зову любимого вождя на все фронты. А потом стали строителями новой жизни. Они терпели голод и нужду, но были непобедимы. Ленин знал это и высоко ценил питерских рабочих, их вклад в революцию.

— Говоря о неохватности, почти непомерности задачи по художественному воплощению образа Ильича, поэт воскликнул: «Века уж дорисуют, видно, недорисованный портрет». Каковы, на Ваш взгляд, проблемы, которые будут решать художественная Лениниана через 10—20 лет?

— Думаю, что писатели будущего, как и их читатели, больше всего будут интересоваться главными качествами Ленина — стратега и тактика революции, создателя партии свершения нового типа и основателя небывалого доселе государства. Таким будет основное направление. Сам же образ Ильича, который создадут мои коллеги из будущего, встанет в монолите, во всей полноте и слитности качеств гениального вождя и самого человеческого из людей.

— Ваш роман «А ты гори, звезда» посвящен пламенному революционеру Дубровинскому. Много внимания Вы уделили и ближайшему другу и соратнику Дубровинского, автору песни «Смело, товарищи, в ногу!» Радину, человеку, который, кстати, последние дни своей жизни связал с Крымом, Ялтой. Скажите, Сергей Венедиктович, можно ли вывести некую общую формулу жизни этих разных по биографии, физическим данным и характерам людей?

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

— Сотни и сотни революционеров, отдавших жизни свои за свободу и счастье человечества, подчас известны только по фамилиям, скупо упоминаемым в научных трудах историков. Так было с Дубровинским и Радиним. Теперь мы знаем, что Иосиф Дубровинский был человеком большой смелости и мужества, кристальной чистоты, честности и обаяния. Несмотря на болезнь, нужду, бесконечные тюрьмы и ссылки, Дубровинский всего себя всегда отдавал делу партии.

О Радине я писал с особенным нежным чувством. Это был удивительно скромный, высокообразованный и необыкновенно стеснительный человек. Такие люди, как Дубровинский и Радин, составляли историю нашей партии. Пути этой истории пролегли через пыльные

чердаки конспиративных явоч, через одиночество тюремных камер и глухоту сибирских ссылок, через голод и холод, через яростные всплески баррикадных боев, через зоревые и штормовые дни и ночи революции. Самое лучшее, что было в русском народе — честность, трудолюбие, самопожертвование, благородство и чистота души, патриотизм, воплотилось в таких разных по биографическим данным и характерам людях, как Дубровинский и Радин. Их формулой жизни, да и самой жизнью стала борьба за счастье своего народа.

— Книга «А ты гори, звезда» — произведение художественное, она, естественно, лишена сухости и точности протокола. Ее герои не только выступают на митингах и печатают прокламации, но болеют, влюбляются, голодают, страдают, радуются... Скажите, Сергей Венедиктович, каково соотношение документального и художественного, где должны кончатся документ и начинаться писательский вымысел?

— Писателю, пишущему о конкретном историческом событии, нужно обойти много подводных камней. Думаю, можно согласиться с автором, когда он, допустим, назовет вымышленной фамилией матроса, который первым ворвался в Зимний. При всем уважении к такому факту он не поддается точной проверке. Но каждый шаг Владимира Ильича в дни Октября, каждое событие, в котором он участвовал, должны быть выверены со скру-

пулезной точностью. И все же граница документального и художественного подвижна. Вот пример.

Как-то в Шушенском я познакомился со школьником, который пишет стихи. Он поделился своим замыслом написать поэму о Ленине, о том, как Владимир Ильич в Шушенском посадил вишневую косточку. Одни люди говорили Ленину, что это пустая затея, что в Сибири вишни не растут. Другие считали, что даже если вишенка прорастет, то все равно не даст плодов. Но дерево выросло, зацвело. От этого дерева, говорил мой юный коллега, и пошли все сибирские сады. В своей поэме автор собирался через историю с вишневой косточкой дать обобщающий образ сеятеля, создателя. «А сады, которые зацвели по всей земле, — это человеческое счастье», — объяснял мне автор и, стеснясь, сказал: — Но меня беспокоит одна вещь. Дело в том, что Владимир Ильич не садил в Шушенском вишенку, об этом нигде не написано. Я все это выдумал».

Эта поездка в Шушенское и встреча с юным поэтом и мечтателем всегда связываются для меня с другой поездкой — вдоль Минусинского тракта. Вместе с ангольскими писателями я ехал к местам бывших ссылок революционеров, и мы любовались посаженными вдоль дороги вишнями. Это были те самые, налитые солнцем вишенки из будущей поэмы шу-

шенского школьника, которого смущает то обстоятельство, что история не располагает свидетельством, посадил ли Владимир Ильич в Сибири вишневую косточку.

— Вы как-то говорили, что память сердца — самая крепкая, самая надежная и яркая память, что среди множества впечатлений разного рода Вам особенно врезалось в сердце январь 1924 года...

— Да, я на всю жизнь запомнил этот жестокий день января, когда все вдруг остановилось, люди смолкли, горестно глядя перед собой, и только паровозные гудки разрывали душу тяжелым стоном. Страна хоронила Ленина. Этот день, который я перенес вместе со всеми, трагические лица людей, переживающих невосполнимую утрату, и привели меня потом, вероятно, к историко-революционной тематике в творчестве. Я с увлечением читал труды Владимира Ильича и поражался его огнедышащей страсти в спорах со своими политическими противниками, железной логике мысли и алмазной чистоте речи. Видеть живого Ленина не довелось. Но светлый его образ всегда наполнял мое воображение, заставлял много работать, помогал в самые трудные минуты. Я уверен: Ленин — в судьбе каждого человека нашего века, особенно людей моего поколения.

— Когда мы говорим о двадцатом веке, о нашей эпохе, современниками которой были

Толстой и Эйнштейн, Циолковский и Кюри, Репин и Пикассо, Менделеев и Королев, Стаханов и Кошовой, Гагарин и Аленде, мы говорим об эпохе Ленина. Какое, на Ваш взгляд, у этой эпохи особенные черты?

— Можно бесконечно долго говорить о том, как изменился мир за 110 лет. А можно просто положить рядом две фотографии. На одной, выбываясь из сил, женщины-бурлаки тащут баржу вверх по реке. На другой — титаническая сила уносит в космос корабль с интернациональным экипажем. Можно говорить о революциях, которые потрясли и потрясают наш мир. А можно просто положить рядом две политические карты нашей земли — старую и сегодняшнюю...

В эти весенние дни наши мысли обращены к Москве. Путь к ленинскому Мавзолею внакале идет по гравийным дорожкам Александровского сада, потом по брусчатке Кремлевского проезда и по Красной площади. Но не только. Он идет и по булыжникам рабочих окраин Парижа, и по пескам Сахары, и по болотистым джунглям Зимбабве, и по скалистым тропам Сьерра-Маэстры, и по рисовым плантациям Вьетнама.

Мы идем дорогой, проложенной Лениным. Мы решаем проблемы завтрашнего дня. Решаем, имея за плечами опыт революции и тот же лозунг: «Мы наш, мы новый мир построим!» Особенно сильно, призывно звучит он над планетой сейчас, когда Земля отмечает 110-ю годовщину со дня рождения лучшего своего сына.

В. ДРУЖБИНСКИЙ,
корр. «Крымской правды».